

БЫТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ И КРАСИВЫМ

покупай
подарки
www.krasnoyarsk.ru
на стр. 38

ТЕКСТ: МИХАИЛ БОЛОТОВСКИЙ

Иногда ему снятся страшные сны. Первый – что он сдает экзамен по математике. А второй – что выходит на сцену, видит полный зал зрителей и, как только дирижер взмахивает палочкой, с ужасом понимает, что абсолютно не знает спектакль, который должен петь...

ИИ | Если певец забывает слова, ему приходится импровизировать на ходу. С вами такое случается?
ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ | Давно, на конкурсе Глинка в Баку один баритон, исполнив романс Глинки «Услыжь глубин», взял и случайно вместо начала перешел в конец. А выданец, догадавшись, поймал его, переистинную петь или шесть страниц этого весьма сложного произведения. Завершив номер, баритон сорвал небывалые овации, ввечная аплодисменты членов жюри – Ирины Архиповой, Муслима Магомаева... Потому что тот образцовый номер надолго всем! С Глинкой связан и мой курьез: каждый раз, исполнив его «Ночной смотрю на стихи Голенищева-Кутузова, я забываю, вру и сокращаю это великое произведение. А однажды, исполнив «Соловья» Чайковского на стихи Пушкина в лондонском Queen Elizabeth Hall, я сделал «гениальную» кулеру, перейдя с начала в конец. Публика поймала меня на излете, так что никто ничего не понял.

ИИ | Почему при слове «опера» сразу вспоминается Италия, но никак не Россия?
Д.Х. | Потому что специфика итальянского языка позволяет итальянским голосам быть поставленными от природы. Но сейчас эту прекрасную страну, где практически еще недавно любой человек мог бы дать урок пения профессионалу, поглощают кризис оперы. Поп-культура инвертировала Италию в глубокую яму музыкального невежества. Представьте, там люди, часто и не подозревая о своих серьезных оперных дарованиях, просто распевают поп-шлягеры хриплыми голосами. В наше время, мне кажется, Россия поставила миру ядвое, а то и втрое больше классных оперных певцов, чем Италия.

ИИ | Вы по-прежнему любите русскую публику?
Д.Х. | Слушайте, да я никого не боюсь!

ИИ | Восхищаясь.
Д.Х. | Просто иногда ждешь от нее большего.
ИИ | Вам приходилось сталкиваться с так называемой «кладкой», способной сорвать выступление даже великого певца: зашлодировать в нужный момент, кусок лимона и рот положить – так, чтобы певец увидел...
Д.Х. | Встречался я с этим миром, да, и ничего хорошего сказать не могу. Это кулганство – а значит, криминал, и с этим надо бороться. С другой стороны, в наше время, где миром правят дилетанты, о каких настоящих знаках и ценителях может идти речь? Особенно в мире искусства, где все очень субъективно и относительно. Иногда смотришь какой-нибудь спектакль, и хочешь просто встать и уйти. Нет – просто убежать из театра! Так безобразно звучат голоса или радует своим совершенством в кавычках дарование режиссера! А публика в основном, завинчивая за спину, хавает.

ИИ | Бывает ли у вас тяжелые депрессии, и есть ли какой-то индивидуальный рецепт выхода из них? Или вы солнечная натура, которой депрессия неизвестна?
Д.Х. | Честно скажу: я совсем не солнечная натура, и со мной очень тяжело. Ну, занятия спортом помогают практически безотказно. Секс, разумеется. И еще – музыка.

ИИ | Блестящий филолог академик Виноградов признавался, что не может просто читать книги – автоматически выискивает примеры по лингвистике. А вы можете слушать музыку не как профессионал?
Д.Х. | По тем же причинам и мне подчас слушать вокальную музыку просто мучительно. Поэтому предпочитаю симфоническую, инструментальную или другие жанры: джаз, поп, рок.

ИИ | А не хочется ли снова, как в детстве, заняться скульптурой?
Д.Х. | Я потерял к этому интерес. В детстве главным мотивом моих скульптурных опытов была игра: я делал себе игрушки – животных, хоккеистов, футболистов. И играл с ними. Но лучше всего получались кони, и я до сих пор очень люблю эти красивые и совершенные творения природы.

ИИ | Подозреваю, жизнь в Красноярске была сильно непростой. Есть ли какое-то воспоминание, от которого вы не можете отделаться? Что-то очень мимолетное...
Д.Х. | Мороз – сорок градусов, нас отпустили из школы из-за холода. А мы во двор – и играли в хоккей! Минуса нет, один мажор.

ИИ | Сложно представить вас в роли школьного учителя, но это факт. Остались ли от этой работы какие-то необычные впечатления?
Д.Х. | В музыкально-педагогическом училище, где я проходил практику в восемнадцать лет, темой одного урока была оперная музыка. Дети были младше меня года на три-четыре, и, соответственно, дисциплина была очень плохая. Но когда я зател, это произвел эффект разорвавшейся бомбы: с тех пор я имел группу учеников, желающих учиться петь и ходивших за мной буквально по пятам.

ИИ | Меня поразило, что рецензенты помимо божественного голоса и высочайшего профессионализма отмечают некое агрессивное начало, которое якобы свойственно вашему образу. Washington Post: «Это один из редких голосов, способных летать как бабочка и жалить как пчела»...
Д.Х. | Вероятно, это рецензии на определенные роли, образы, в которых я на сцене.

ИИ | Ваш кинодебют, если не ошибаюсь, – фильм «Дон Жуан без масок», где вы выступили сразу в двух ролях – раступленного артиста-оператора и его верчливого слуги. Близок ли вам по духу Дон Жуан?
Д.Х. | Дон Жуан мне настолько близок, что, несмотря на то что я не пел эту роль уже почти девять лет, решил к ней вернуться. Хотя она несколько низка для моего голоса.

ИИ | Кстати, вы безумства какие-то ради жизни совершали? Можете рассказать хоть один случай?
Д.Х. | Нет, не расскажу. Ни в коем случае!

ИИ | Зато я знаю, на какие безумства вы способны ради публики. Например, выйти на сцену абсолютно голым – и все-таки продержаться.
Д.Х. | В марте, когда у меня были большие проблемы с голосом, на гастролях в Канаде и Америке я с трудом заставил себя выйти на сцену, а не бежать куда глаза глядят! Удалось выйти из этого кризиса в Вене, куда я в апреле приехал, чтобы петь Риголетто. Постепенно, через страх и ужас, я выбил клин клином и вышел на новый уровень мастерства. Вот такой я молодец.

P. S.
Дмитрий Хворостовский продолжает знакомить любителей оперы со звездами мировой величины. 13 декабря в концертной программе в БНТ «Октябрьский» примут участие Чарльз Кастроново и Екатерина Сорина.

ТЕКСТ | МИХАИЛ БОЛОТОВСКИЙ

Иногда ему снятся страшные сны. Первый – что он сдает экзамен по математике. А второй – что выходит на сцену, видит полный зал зрителей и, как только дирижер взмахивает палочкой, с ужасом понимает, что абсолютно не знает спектакль, который должен петь...

НН | Если певец забывает слова, ему приходится импровизировать на ходу. С вами такое случается?

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ | Давно, на конкурсе Глинки в Баку, один баритон, исполняя романс Глинки «Уснули голуби», взяв и случайно вместо начала перешел в конец. А пианист, догадавшись, поймал его, перелистнув пять или шесть страниц этого весьма сложного произведения. Завершив номер, баритон сорвал небывалые овации, включая аплодисменты членов жюри – Ирины Архиповой, Муслима Магомаева... Потому что тот образцовый номер надоел всем! С Глинкой связан и мой курьез: каждый раз, исполняя его «Ночной смотр» на стихи Голенищева-Кутузова, я забываю, вру и сокращаю это великое произведение. А однажды, исполняя «Соловья» Чайковского на стихи Пушкина в лондонском Queen Elisabeth Hall, я сделал «гениальную» купюру, перейдя с начала в конец. Пианист поймал меня на излете, так что никто ничего не понял.

НН | Почему при слове «опера» сразу вспоминается Италия, но никак не Россия?

Д.Х. | Потому что специфика итальянского языка позволяет итальянским голосам быть поставленными от природы. Но сейчас эту прекрасную страну, где практически еще недавно любой человек мог бы дать урок пения профессионалу, поглотил кризис оперы. Поп-культура низвергла Италию в глубокую яму музыкального невежества. Представьте, там люди, часто и не подозревая о своих серьезных оперных дарованиях, просто распевают поп-шлягеры хриплыми голосами. В наше время, мне кажется, Россия поставляет миру вдвое, а то и втрое больше классных оперных певцов, чем Италия.

НН | Вы по-прежнему побаиваетесь русскую публику?

Д.Х. | Слушайте, да я никого не боюсь!

НН | Восхищаюсь.

Д.Х. | Просто иногда ждешь от нее большего.

НН | Вам приходилось сталкиваться с так называемой клапой, способной сорвать выступление даже великого певца: заплодировать в ненужном месте, кусок лимона в рот положить – так, чтобы певец увидел...

Д.Х. | Встречался я с этим миром, да, и ничего хорошего сказать не могу. Это хулиганство – а значит, криминал, и с этим надо бороться. С другой стороны, в наше время, где миром правят дилетанты, о каких настоящих знатоках и ценителях может идти речь? Особенно в мире искусства, где все очень субъективно и относительно. Иногда смотришь какой-нибудь спектакль, и хочется просто встать и уйти. Нет – просто убежать из театра! Так безобразно звучат голоса или радуется своим совершенством в кавычках дарование режиссера! А публика в основном, извините за сленг, хаваает.

НН | Бывают ли у вас тяжелые депрессии, и есть ли какой-то индивидуальный рецепт выхода из них? Или вы солнечная натура, которой депрессии неведомы?

Д.Х. | Честно скажу: я совсем не солнечная натура, и со мной очень тяжело. Ну, занятия спортом помогают практически безотказно. Секс, разумеется. И еще – музыка.

НН | Блестящий филолог академик Виноградов признался, что не может просто читать книги – автоматически выискивает примеры по лингвистике. А вы можете слушать музыку не как профессионал?

Д.Х. | По тем же причинам и мне подчас слушать вокальную музыку просто мучительно. Поэтому предпочитаю симфоническую, инструментальную или другие жанры: джаз, поп, рок.

P. S.

Дмитрий Хворостовский продолжает знакомить любителей оперы со звездами мировой величины. 13 декабря в концертной программе в БКЗ «Октябрьский» примут участие Чарльз Кастроново и Екатерина Сюриня.

БЫТЬ ЗНАМЕНИТЫМ И КРАСИВЫМ

ПОКУПАЙ
С УДОВОЛЬСТВИЕМ!
www.expresskupon.ru
на стр. 38

НН | А не хочется ли снова, как в детстве, заняться скульптурой?

Д.Х. | Я потерял к этому интерес. В детстве главным мотивом моих скульптурных опытов была игра: я делал себе игрушки – животных, хоккеистов, футболистов. И играл с ними. Но лучше всего получались кони, и я до сих пор очень люблю эти красивые и совершенные творения природы.

НН | Подозреваю, жизнь в Красноярске была сильно непростой. Есть ли какое-то воспоминание, от которого вы не можете отделаться? Что-то очень минорное...

Д.Х. | Мороз – сорок градусов, нас отпустили из школы из-за холода. А мы во двор – и играть в хоккей! Минора нет, один мажор.

НН | Сложно представить вас в роли школьного учителя, но это факт. Остались ли от этой работы какие-то необычные впечатления?

Д.Х. | В музыкально-педагогическом училище, где я проходил практику в восемнадцать лет, темой одного урока была оперная музыка. Дети были младше меня года на три-четыре, и, соответственно, дисциплина была очень плохая. Но когда я запел, это произвело эффект разорвавшейся бомбы: с тех пор я имел группу учеников, желающих учиться петь и ходивших за мной буквально по пятам.

НН | Меня поразило, что рецензенты помимо божественного голоса и высочайшего профессионализма отмечают некое агрессивное начало, которое якобы свойственно вашему образу. *Washington Post*: «Это один из редких голосов, способных летать как бабочка и жалить как пчела»...

Д.Х. | Вероятно, это рецензии на определенные роли, образы, в которых я на сцене.

НН | Ваш кинодебют, если не ошибаюсь, – фильм «Дон Жуан без маски», где вы выступили сразу в двух ролях – распутного аристократа и его ворчливого слуги. Близок ли вам по духу Дон Жуан?

Д.Х. | Дон Жуан мне настолько близок, что, несмотря на то что я не пел эту роль уже почти девять лет, решил к ней вернуться. Хотя она несколько низка для моего голоса.

НН | Кстати, вы безумства какие-то ради женщин совершали? Может, расскажете хоть один случай?

Д.Х. | Нет, не расскажу. Ни в коем случае!

НН | Зато я знаю, на какие безумства вы способны ради публики. Например, выйти на сцену абсолютно больным – и все-таки продержаться.

Д.Х. | В марте, когда у меня были большие проблемы с голосом, на гастролях в Канаде и Америке я с трудом заставил себя выйти на сцену, а не бежать куда глаза глядят! Удалось выйти из этого кризиса в Вене, куда я в апреле приехал, чтобы петь Риголетто. Постепенно, через страх и ужас, я выбил клин клином и вышел на новый уровень мастерства. Вот такой я молодец.

Р. С.

Дмитрий Hvorostovsky продолжает знакомить любителей оперы со звездами мировой величины. 13 декабря в концертной программе в БКЗ «Октябрьский» примут участие Чарльз Кастроново и Екатерина Сюрин.